

Оксана Калина ЛЮБАВА

Мне тогда стукнуло 17 лет от роду. Плотный, коренастый, крепкий, я смотрелся старше своих лет, чем несказанно гордился. Единственное, что меня смущало — нежный, почти девический румянец на всю щеку. Казалось, он придает моей физии какой-то «слюнтяйский» вид, а я, по характеру «волчонок», слабости не терпел. Кто-то подсказал пить яблочный уксус, чтобы избавиться от проклятого румянца. Я начал глушить его чуть ли не бутылками и «благополучно» загремел в

больницу. А когда вышел, в нашем дворе уже появилась она. Любава. Люба...

О ком я хочу рассказать? О ней! Конечно же, о ней! Той, которую помнил всю свою жизнь, и которую до сих пор выискиваю в каждой женщине. Хочу рассказать о себе. И о нас, хотя вместе мы были очень недолго — три недели и три дня. Разве это срок для пожизненной любви? Оказывается — да...

Меня воспитывала бабушка. В деревне поговаривали, что она ведьма, у нее дурной глаз, а характер и того хуже. Может и так. Иначе как бы бабке удалось отстоять наш крохотный домишко, когда город уже начал вплотную подступать к деревне, дома сносились, все огороды и участки застраивались? Остался только наш бревенчатый дом. Он стоял в аккурат в центре двора, окруженный серыми бетонными высотками, и смотрелся «выходцем» из сказки или былины. Все мы теперь номинально считались горожанами (тех, у кого снесли дома, переселили в квартиры), но в душе оставались деревенскими жителями. Люди, хоть и считали бабку ведьмой, даже боялись ее, часто бегали к ней за советом и помощью, а то и лечением. Бабка никому не отказывала.

Однажды, мне тогда лет десять, наверное, было, я ее спросил:

— Бабушка, ты и правда ведьма?

Она внимательно посмотрела на меня своими черными, глубокими, удивительно молодыми глазами:

— Сам то как думаешь?

— Мне все равно, ведьма ты или нет! — воскликнул я, — я люблю тебя больше всех на свете.

— Это самое главное, сынок! — она положила мне на голову свою большую, огрубевшую ладонь. И столько ласке было в этом скупом жесте, что я чуть не расплакался. От моей строгой, даже суровой бабушки подобного проявления чувств редко можно было дожидаться. Но я все равно знал, что она любит меня, так же как и я ее — больше всего на свете.

Так было, пока в моей жизни не появилась Любава. Но об этом еще рано...

Своего отца я не знал никогда. А у бабушки расспрашивать не осмеливался — она не любила разговоров на эту тему. Но однажды все же решился. Я умел быть упрямым, если это было необходимо, поэтому весь день не отходил от бабушки, приставая с вопросами и рискуя получить увесистую затрещину. Наконец-то бабушка сдалась.

— Хорошо, расскажу. Но запомни: первое — с этого момента никаких расспросов.

Второе: у меня больше нет сына. Мой сын, твой отец, был бандитом, как и его отец, и дед тоже. Ты понял?

Я молча кивнул.

— Так вот, отцы твоего хорошо знали даже в городе. Из мелких хулиганов вырос в большие бандиты. Сначала шапки с людей на улицах срывал да продавал, потом просто грабил. После — в шайке какой-то оказался, охранял важную бандитскую «шишку». А как того важного бандита убили, занял его место. Сам начал с рынков да подпольных цехов мзду собирать. Пока его в один прекрасный день в тюрьму не упекли. Чего и следовало ожидать.

— Так ты из-за этого... — я не знал, как дальше сформулировать свою мысль, — отказалась от него?

— Я отказалась? — вспыхнула бабка, — запомни, сынок: я от своих не отказываюсь, какими они бы не были. И тебе советую того же правила держаться!

— Но ты же только что сама сказала... — совсем растерялся я, — что у тебя нет больше сына!

— Это он от меня отказался. От всех нас: тебя, твоей матери, — вздохнула бабушка и тяжело, будто только что сказанное лишило ее всех сил, опустилась на стул, — он после отсидки домой вернулся. Покрутился здесь годик, тебя вот

смастерил, — она горько улыбнулась, — а потом уехал. Куда — не знаю. Но поговаривают люди, что далеко, на Юг. Там новую жизнь начал. Теперь он не большой бандит, а большой начальник на стройке. Уважаемый человек. Почему нет? Деньги у него всегда были. А за них можно купить что угодно. Когда его спрашивают о матери, или о тебе, говорит, что перепутали. Мать, мол, давно уже в могиле, сына у него нет, только две доченьки, и вообще он в этих местах никогда не был. У него появилась возможность стать честным человеком, и он ее воспользовался. Но в этом мире ничего не дается бесплатно. И он заплатил. Нами.

— Значит, у меня есть сестры? — потрясенно спросил я.

— Никого у тебя нет! — снова вспыхнула бабушка, — только я. Сынок, — сказала она уже мягче, — не терзай себя. И не думай об отце и сестрах, которых ты никогда не видел и не увидишь, наверное. Ни к чему это. Принимай с благодарностью то, что имеешь сейчас. Этого не так уж мало.

Она протянула ко мне руки, и я кинулся к бабушке в объятия.

— Никто нам не нужен, правда? — шептал я, — никто, мы сами справимся...

— Конечно, справимся, — отвечала бабушка, — но если в твоей жизни еще появится

человек, который будет любить тебя по-настоящему — не отталкивай. Это такая редкость в нашем мире.

Бабушка посадила меня на колени и начала убаюкивать, как маленького. А я все не мог вспомнить, о чем еще хотел ее спросить. О чем то важном...

— Бабушка, — наконец то вспомнил я, — а почему ты вышла замуж за деда, раз он тоже был бандитом?

Она долго молчала, а потом сказала:

— Я и не выходила. Не любила его никогда. Он сам меня взял. Ему просто было интересно как это — иметь ведьму. Меня уже тогда в деревне ведьмой считали.

— Что значит — взял? — не понял я, — ты разве вещь?

— Иногда женщинами пользуются, как вещью, сынок... Подрастешь — поймешь, — сказала она, глядя в мои недоуменные глаза, — Потом родился твой отец. И я никому уже стала не нужна — порченный товар. Так говорили в деревне о таких, как я... Да и деда твоего боялись.

— Ты мне нужна, всегда-всегда, — прошептал я, глотая слезы, — бабушка, а почему ты деду ничего не сделала за то, что он с тобой сделал. Ведь ты же можешь!

— Могу, — просто ответила она, — но как ни крути, он был отцом моего ребенка.

Я понял, что имела виду бабушка под словом «взял». Не таким я уже был маленьким, а пацаны всякое рассказывали.

— Вижу, что понял, — сказала бабушка. Иногда меня поражала ее способность читать мысли, и не только мои, — раз уже получился у нас такой разговор, расскажу тебе и о твоей матери. Чтоб потом не возвращаться. Никогда.

Бабушка замолчала. Молчала она долго, словно думала, с чего начать. А может, слова подбирала, хотя особой деликатностью никогда не отличалась.

— Твоя мама была красивой. Очень...

— Почему была? — перебил я бабушку, — ты же говорила, что она жива!

— Жива, — бабушка кивнула головой в знак согласия, и горько улыбнулась, — только сейчас она уже не такая красивая. Знаешь, мы как то ее проведем, — вдруг сказала она, — я к ней часто хожу, тебя просто не брала с собой.

— Но почему? — поразился я, — мне бы так хотелось ее увидеть!

— Ты мне никогда об этом не говорил, — удивилась бабка.

— Сама могла бы догадаться, — буркнул я, — ты же умеешь читать мысли.

— Умею, да видно, не всегда правильно их читаю, — вздохнула она.

Бабушка снова замолчала. Яне решался прерывать ее задумчивое молчание и терпеливо ждал, когда она продолжит разговор.

— Я даже не знала, что ты должен появиться на свет. В одно прекрасное утро, солнце только поднялось, в дом постучались. На пороге стояла девушка. Белоснежка, да и только. Волосы черные до самой талии, спутанные, правда, давно не мытые. Кожа белая-белая, я тогда не поняла, что девушка просто была бледной, словно мел. Глаза, яркие, синие, блестели как то странно, неестественно, лихорадочно. В руках она держала сверток, который пищал и извивался.

— Это вам, — сказала девушка и рассмеялась, — в жизни не слышала смеха страшней и безумней. Она аккуратно положила сверток на порог, — Ваш внук. Имени пока нет. Назовите его как хотите. Теперь ребенок ваш, а мне он не нужен.

— Но... почему? — я чувствовал, как слезы дрожать на ресницах, плакать не хотел, но не получалось, слезы словно жили отдельно от меня, — почему и она отказалась от меня?

— Она была больна, — нежно сказала бабушка, — Твоя мама никогда не была сильной. Нежная, как цветочек, трепетная душа. Таких

беречь нужно, словно хрупкую драгоценность. А твой отец... — бабушка замолчала.

— Тоже взял ее, как вещь? — продолжил я.

Бабушка кивнула.

— Не знаю, что и как у них произошло, могу только представить. Твой отец — вылитый дед, а он был очень жестокий, — бабушка вздохнула, — бедная девочка... Вот она и не выдержала, сломалась. Почему именно он повстречался ей? Воистину пути Господни не исповедимы. А ведь люди в нашей жизни появляются не случайно, каждый чему то учит, или любит, или ломает... Зачем они встретились? Не понимаю... Может, для того, чтоб ты появился на свет?

— А я тоже буду... жестоким? — спросил я, — я ведь на отца похож.

— Не знаю, сынок. Надеюсь, что нет. Этого я уже точно не переживу.

— Я не буду жестоким, бабушка, честное слово, только бы ты была счастлива!

— Верю тебе, — сказала бабушка, и в глазах ее заблестели слезы. Никогда я раньше не видел, чтобы она плакала.

— Так что же мама? — чуть успокоившись, спросил я.

— Девушка положила ребенка на порог и, пританцовывая, пошла прочь. Она ни разу не оглянулась, а я ни разу ее не окликнула.

— Но почему? — удивился я, — откуда ты могла знать, что она сказала правду и я действительно твой внук?

— Подойди к зеркалу сынок, — попросила бабушка, — что ты там видишь?

Я всмотрелся в свое изображение. Передо мной стоял невысокий коренастый, крепкий пацан со светлыми волосами и удивительно контрастирующими с ними темно-синими, почти черными, глазами. Моя классная руководительница, Зоя Федоровна, как то сказала, что у меня глаза флибустьера. Я не поленился и узнал, что значит это красивое слово. Оказалось, почти то же самое, что и пират. Но самым примечательным на моем лице были три довольно большие родинки. Они уютно расположились на правой щеке, и когда я улыбался, сходились в равнобедренный треугольник. «Бермудский» — так называла его Зоя Федоровна, она вообще ко мне относилась с большой симпатией, хотя я к учебе проявлял мало рвения.

— Родинки, сынок. Точно такие же были и у твоего отца, так что сомневаться не приходилось. Знаешь, я обрадовалась твоему появлению в моей жизни, — продолжила бабушка, — ведь у меня никого не было. И зажили мы с тобой вдвоем.

— А мама? — снова спросил я.

— Я снова встретила ее года через три. Она собирала бутылки на рынке. Но это уже была не та девушка, которую я видела когда то. Сынок, — бабушка замялась, — твоя мама больна, очень, она...

— Сумасшедшая, — догадался.

— Да, — подтвердила бабушка, — и алкоголичка. После той встречи я начала частенько наведываться на рынок, наблюдать за ней.

— Зачем? — удивился я.

— Надеялась, что ее еще как то можно вернуть к нормальной жизни. Мама есть мама, сынок. Детям очень нужны мамы...

— Она от меня отказалась, — процедил я сквозь зубы.

— Не вини ее, Сашенька, — бабушка очень редко называла меня по имени, в основном «сынок» и это значило, что она сильно волнуется, — это не она отказалась, а болезнь ее.

— Не все ли равно, — упрямылся я.

— Знаешь, я даже нашла твоих деда с бабкой, тех, других.

— Зачем?! — взвился я, — нам никто не нужен!

— Люди они не простые, интеллигенты. Бабка преподает в институте предмет какой то, я позабыла, как называется, дед какой то начальник. Однажды я подкараулила твою бабку, когда она

возвращалась с работы и сказала, что мол, у вас внук есть, не хотите познакомиться.

— Зачем?... — простонал я.

— А затем, сынок, что я не вечная. Не хочу, чтобы ты на свете одинешенек остался, когда меня не станет. Да ты не переживай, — бабушка усмехнулась, — твоя бабка меня послала. Да так... замысловато, что я и слов то таких отродясь не слыхала. А потом я узнала, что они сдали твою маму в психушку. Она им весь их интеллигентный фасад портила. И мешала блестящей карьере собственного брата. Так что у тебя еще и дядя имеется. Они ее никогда не навещают. Лекарства там, правда, продукты, передают. Я к твоей маме тоже иногда захожу. В следующий раз вместе пойдем, если хочешь.

Я уже не знал, хочу ли видеть свою родную мать, которая отказалась от меня, или нет. Раньше хоте, а теперь...

Я не спрашивал у бабушки, как ей удалось оставить ребенка, меня то есть, у себя, минуя всякие там социальные службы (бабушка даже документы умудрилась мне выправить). удалось, и все тут. Недаром она слыла ведьмой.

И все таки бабушка уговорила меня навестить мать. Лучше бы она этого не делала. Нет, мама была очень красивой, почти, как прежде, отметила бабушка.

Я не мог отвести взгляд от ее нежного лица и удивительных синих глаз. Она была хрупкой и тонкой, с фарфоровой белизны кожей и иссиня-черными волосами. Белоснежка, так бабушка ее называла. Мне хотелось прижаться к ней, сказать «мама», дотронуться до нежной щеки, почувствовать ее тепло и запах кожи...

Я вопросительно посмотрел на бабушку. Она угадала мои мысли и отрицательно покачала головой.

— Почему? — одними губами спросил я.

И сразу же понял ответ. До того сидевшая спокойно и безучастно смотревшая на нас мама вдруг встрепенулась и уставилась на меня безумным взглядом. Глаза ее начали наливаться кровью, она протянула руки к моей шее, будто хотела схватиться за нее и зашипела:

— Ты... ты...

Мама, словно кошка, прыгнула ко мне, я испуганно отскочил и спрятался за бабушку. Она, пятясь спиной к двери, вывела меня из этой страшной комнаты.

Потрясение от свидания с матерью было столь велико, что к вечеру у меня поднялась очень высокая температура, которую бабушка ничем не могла сбить.

— Не надо было тебя брать, — шептала она, обтирая меня губкой с уксусом.